

Д. В. ФИЛОСОВ

Евсей и Матвей

Максим Горький написал два новых романа — «Жизнь ненужного человека» и «Исповедь».

Герой первого — Евсей Климков. Судьба преследовала Евсея с самого детства. Еще мальчуганом остался он круглым сиротой. Болезненного, вихрастого Евсея, с «совиными глазами», пригрел дядя, деревенский кузнец-философ. Мальчик рос одиноко, замкнутый в себе. «Совиные глаза» его однако хорошо видели и Евсей зорко наблюдал за всем происходящим вокруг. Дядю он любил. Это был единственный человек, которого он не боялся, которому мог высказывать свои недоумения. Но кузнец не знал нужных для мальчика ответов. И Евсей рос, все более и более убеждаясь, что знать ничего нельзя, что мир страшен, что люди злы. Для того, чтобы не терпеть обиды — надо молчать, всему покоряться, отказаться от своей воли. Страх и безволие соединены с острой наблюдательностью, таковы характерные черты этого ненужного человека. Страх не только эмпирический, от вечных обид и побоев, но и мистический, от реального ощущения зла в мире и бессмысленности человеческой жизни.

Когда мальчик подрос, дядя отвез его в город и определил в лавку к старому букинисту. С этого момента жизнь Евсея становится трагической. Букинист оказался шпионом. Евсей долго не понимал, что делает хозяин, но инстинктивно его боялся и ненавидел. Содержанка букиниста отравляет, наконец, своего престарелого любовника, Евсей поступает писцом в полицейский участок, а затем и сам становится сыщиком. Не по «призванию», а случайно, в силу необходимости. Надо же кормиться. И вот мы попадаем в мир шпионов, в среду отверженных из отверженных.

Горький, который последнее время увлекался тенденциозной дешевкой, которому вообще чуждо ощущение художественной меры, подвергался большому риску впасть в романтический шаблон и изобразил сыщиков, как великих злодеев, хладнокровно занимающихся ловлей добычи. Но, к счастью, этого не случилось. Сыщики Горького не мелодраматические мерзавцы, а средние, глупые, грубые люди. То среднее дрянцо, которым земля держится. Главный стимул их деятельности — голод. Сложись судьба каждого из них иначе, они, может быть, добывали бы свой хлеб другой, более почтенной профессией. По существу же, это — ненужные люди, прожигающие свою жизнь в пьянстве, в кутеже, в карточной игре. Правда, ими командует более сознательное начальство. Горький попытался дать типы таких начальников, но, надо признаться, вышло это у него довольно неудачно, слишком схематично. Чувствуется, что начальники нарисованы по подлинным документам, вся фактическая сторона — верная, не выдуманная, но живых людей как-то не видно, тогда как средние, рядовые сыщики схвачены живьем. Когда все обстояло благополучно, эти серые, ненужные люди как будто были нужны. Исполняли свои служебные обязанности, брали взятки, кутили. Когда не было дела, выдумывали его, писали рапорты, доносили, получали награды. Но такие патриархальные времена продолжались лишь до 1905 года. Подъем народной стихии совершенно сбил с толку этих ненужных людей. Они инстинктивно почувствовали, что им не только нечего делать, но что и впредь, если мечты народа воплотятся, они, как ненужные люди, будут выброшены за борт. Состояние растерянности, беспомощности, озлобленности воцарившиеся в этом мире, передано Горьким с поразительным мастерством. На фоне этой общей растерянности созревает контрреволюционное настроение, не лишенное своего, особого демократизма. Все эти «права» и «свободы» нужны господам, «нашего брата, сыщика, господ ненавидят; мы с народом». Полупомешанный алкоголик Сашка вырабатывает проект самозащиты и деятельно организует черную сотню. Начинаются погромы. Герой романа — Евсей Климков принимает в них участие, опять-таки помимо своей воли. Он и рад бы уйти, убежать, «заняться торговлей», но не может. Он весь во власти страха, им всецело завладели люди и обстоятельства. На его душе много тяжелых грехов. Он устроил одно провокаторское дело, предал своего друга детства Яшку, предал милую «барышню» Ольгу. И не то, чтобы он не верил в свободу. «Евсей любовался красивым ростом бунта, но не имел силы полюбить

его, он верил словам, но не верил людям. Его ласково трогали за сердце мечты, но они умирали, касаясь сердца». Он не только социально, но и морально ненужный человек. Его опустошенная страхом, несправедливостью, голодом, душа не может выдержать напора свободной стихии освобождающегося народа. Когда же на его глазах убивают его товарища, Зарубина, прирожденного, бесстрашного сыщика, — Евсей бросается под поезд. Жизнь ненужного человека кончается самоубийством...

Горький взял для своего романа новую, еще неиспользованную в литературе среду. Описал он ее так, как видел ее Евсей. Он посмотрел на нее глазами простого среднего человека, не имеющего в себе достаточно умственных и нравственных сил, чтобы разобраться в окружающем его хаосе, чтобы отделить добро от зла, чтобы направить волю свою к добру. Благодаря такому приему ткань романа стала живой, органической. Личность автора не выступает на первый план. В романе нет тенденции. Она скрыта под спокойным рассказом бытописателя. И поэтому непосредственное впечатление получается очень сильное. Но значение романа, конечно, не исчерпывается этим чисто внешним его интересом, мастерским описанием малоизвестной читателю среды. Может быть и бессознательно, автор поставил перед нами вопрос о ненужных людях вообще. Горький ведь не морализует. Его не прельстила слишком легкая задача доказать читателю, насколько мало почтенна профессия филера. Его, очевидно, занимает вопрос, как и почему образуются такие ненужные люди. Евсей Климков не только тип, не только представитель известной среды, — он фигура символическая. Трагедия его не в том, что он не нужен, а в том, что он не нужен не только по своей вине. В нем много инстинктивного благородства, в нем истинная жажда правды и справедливости, он не лишен наблюдательности, способностей мыслить. Но между его действиями и его мыслями нет никакой связи. Думает он по своей воле, действует по чужой. Это натура, прежде всего, пассивная. С самых первых проблесков сознания, с тех пор, как он начал жить, он ясно ощутил непримиримое противоречие между я и не-я, между собой и окружающим его миром. С одной стороны, он понял, что мир — его враг, с другой — он увидал, что враг этот непобедим, и он ему подчинился. Он почувствовал, что борьба ему не под силу, что для того, чтобы жить — нужна прежде всего покорность. В Евсее воплотилось все инертное начало русского народа, его пресловутое долготерпение, способствующее проявлению и высшей святости — в смиренном самоотречении, и высшей подлости — в подчинении

чужой воле, направленной ко злу. В сущности, отрок Евсей мог быть отроком Варфоломеем и стать Сергием Радонежским¹, т. е. представителем пассивной аскетической святости. Но времена теперь другие. И если говорить о типе святости современной — то она прежде всего активна. Современную святость надо искать не в подвигах индивидуального самоотречения, а в подвиге сознательной общественной деятельности, в активном я. В этом отношении интересно сравнить «Жизнь ненужного человека» с другим романом Горького — «Исповедь». В противоположность Евсею, Матвей (главное лицо «Исповеди»), натура глубоко деятельная. Детство его похоже на детство Евсея. Та же нищета, покинутость, хождение по чужим людям. Те же постоянные мысли о Боге, о несправедливости, о зле в мире. Но в то время, как Евсей преклоняется перед неразрешимыми вопросами, не ждет ответа на них и в покорности ищет спасения, Матвей хочет добиться ответа, хочет бороться со злом, причем эта борьба ему представляется единоборством, потому что, как и Евсей, он занят, главным образом, собой. И у того, и у другого очень острое ощущение личности. Они прежде всего индивидуалисты. Евсей подчинился миру до конца, до смерти. Мир победил его. Матвей, наоборот, победил или, по крайней мере, думает, что победил мир. Победу эту он нашел, отказавшись от единоборства, поняв, что борьба должна быть не единоличной, но общественной, и не Я должен бороться со злом, а Мы. Матвей всю жизнь искал Бога и в конце концов нашел Его. Бог его в народе и в земле. Люди должны подняться сами и поднять землю до неба, уничтожить разрыв между землей и небом. Они богостроители, боготворцы, социализм и есть — процесс боготворческий. Я не буду входить в разбор этой религии, рассматривать ее содержание. Мне важно лишь отметить формальную сторону проблемы, а именно, что Горький приходит к идеалу религиозной антиномии между личностью и обществом. Все это довольно непродуманно, бессознательно и беспомощно, но психологически глубоко верно и знаменательно. Один из учителей Матвея говорит ему:

«Началась эта дрянная и недостойная разума человеческого жизнь с того дня, как первая человеческая личность оторвалась от чудотворной силы народа, от массы матери своей, и сжалась со страха перед одиночеством и бессилием своим в ничтожный и злой комок мелких желаний, комок, который наречен был — я. Вот это самое я и есть злейший враг человека». Матвей этому верит, потому что, действительно, слишком много мучений доставил ему этот «комочек», но слишком ясно,

что от своего я Матвей все-таки не откажется. Психологически это просто невозможно. Слишком подлинны были его искания, его страдания, чтобы он мог с такой легкостью отказаться от своего я. Не в отрицании личности, а в высшем ее утверждении, высшем преодолении — спасение Матвея. Уж раз «комочек» оторвался от «массы», почувствовал себя «я», с массой он не сольется, не превратится в полип грандиозного полипняка. Оторвавшийся комочек должен сознательно вернуться к массе, почувствовав, что она не полипняк, а соединение таких же, как он, одиноких страждущих я, которые, сознательно соединившись вместе, не только не потеряют себя, а, наоборот, утвердят, из ненужных людей превратятся в самых нужных, из пассивно покорных в деятельных борцов. Волна индивидуализма достигла своей вершины и начинает спадать, но слишком наивно думать, что она пропадет бесследно, что можно идти назад, к старому, к принципу безличной общности. И Евсей, и Матвей бессознательно пережили кризис индивидуализма. И если Евсей остался ненужным человеком до конца, то Матвей так или иначе спасся, но спасся потому, что внутренне от своей личности не отрекся. Недаром странник Иона, который открыл ему глаза, отметил его, пригрел его на груди своей и указал ему путь спасения. Иона отлично видел, что Матвей человек нужный, что цена ему большая и именно потому, что он сильная, активная личность, готовая бороться со злом. Не против личности восставал Иона, а против ее одиночества. Одинокая личность — величайшее страдание, и вместе с тем громадная социальная опасность. Ненужный человек Евсей — именно такая одинокая личность, благодаря своей пассивности сделавшаяся в социальном смысле в высшей степени вредной. Не безличные люди нужны для новой общности, не полипы создадут ее, а именно Матвеи, которые предчувствуют гармоническое сочетание начал личного и общественного без ущерба одного начала в пользу другого.

Много в России «ненужных людей», слишком много. Мы находимся в заколдованном кругу, потому что ненужными люди становятся в силу общественных условий, а создать новые условия могут лишь люди нужные. Но чувствуется, что цепь этого круга уже разорвана. Если Евсей погиб, то жив Матвей, который уже на пути к спасению. Пусть то спасение, которое ему предсказывает не художник Горький, а общественный деятель — спасение иллюзорное, неподлинное. Важно то, что указан путь. Отрадно то, что Горький если не разумом, то психологически почувствовал, что социальный вопрос, т. е. спра-

ведливое устроение людей на земле, тесно связан с проблемой личности и с религией. Горький-мыслитель не ответил Горькому-художнику. Художник воплотил два жизненных типа, две болящих, одиноких личности. Художник «нутром» понял, что одинокой личности нет спасения, но, вместе с тем, то же художественное чутье подсказало ему, что без острого личного самоощущения — нет человека в подлинном смысле этого слова, есть только человеческий организм, безликое существо, скованное законом причинности, существо неменяемое, не творящее историю, а творимое ею. Своих двух, столь противоположных и столь сходных героев, Евсея и Матвея, художник Горький описывает с одинаковою любовью, чувствуется, что он одинаково за них страдает. Ему ценно в них именно начало личное. Опять-таки, как художник, Горький очень проникновенно отметил, что первая ступень самосознания — это вопрос о моем личном отношении к Богу и созданному им миру. В религиозных исканиях и мучениях оттачивается личность. Вне Бога личности не существует. Само бытие свое она получает в любви к нему или в борьбе с ним. Богоборчество необходимый этап развития индивидуальности. Иегова особенно возлюбил Иакова и назвал его Израилем. Но личного отношения к Богу недостаточно. Религия не есть дело только личное. Она есть общественная связь личностей, объединенных в любви к общему для них Богу. И это предугадал художник Горький. Погубив пассивного Евсея, личность которого создала себя лишь, как существо страдающее, несвободное, он провел активного Матвея через все искусства, открыл ему надежду на лучшее будущее, показал ему исход в религиозной общественности, где личность, не теряя себя — перестанет быть одинокой, где солидарность превратится в любовь друг к другу. Конечно, это лишь смутные чаяния художника, неопределенные намеки и упования. Ими кончается работа художника Горького, исчерпывается значение и сила двух новых его романов.

Далее на сцену выступает Горький-мыслитель, ученик Луначарского, проповедник ходячей религии «по Авенариусу и Гольдцарфелю»². Здесь провал Горького, здесь Горький, как личность и художник, исчезает. Воцаряется великое, безликое «оно», социал-демократическое божество, созданное в книжках и брошюрах передовых марксистов.

Но такой ничтожный финал не уничтожает работы художника, который снова и снова поставил перед нами проблему личности и тесно связанной с ней проблему религиозной общественности и притом поставил очень глубоко и жизненно.

Сколько бы ни старался Горький уверить нас, что он правоверный марксист, что он исповедует религию Луначарского не только за страх, но и за совесть, мы ему больше не верим. Новые его произведения слишком ясно показывают, что сам он, писатель, художник Горький гораздо глубже, серьезнее и значительнее, чем те извне воспринятые ходячие теории, которые он в ущерб себе и своему творчеству, а следовательно и в ущерб всем нам, его читателям, столь старательно проповедует. И хочется верить, что Горький, наконец, выйдет из пеленок религии Луначарского, и вместе со всей русской интеллигенцией станет на путь истинный.

1908

